

ПРИЗНАНИЕ В СВОЁМ КРУГУ

Очередное заседание созданного Гродненским областным отделением СПБ общественного дискуссионного клуба «Словодром» началось с минуты молчания. В этот день, 28 марта 2018 года Беларусь в знак солидарности присоединилась к объявленному в России общенациональному трауру в связи с трагедией в городе Кемерово. Жертвами страшного пожара, напомним, стали 64 посетителя торгово-развлекательного центра «Зимняя вишня», в том числе более 40 детей.

Темой двадцать третьей встречи была заявлена следующая: «Андеграунд: без тени света нет». Несмотря на всю нарочитую эпичность формулировки, клуб без проблем разобрал тему по винтику в кратчайшее время. Прозвучали интересные рассуждения, а также стихи наших друзей. Да, в наших дискуссиях по-прежнему участвует поэзия. Споры, обмен идеями и живой человеческой энергией также имели место. А это значит, что клуб продолжает свою жизнедеятельность. О ключевом понятии – «андеграунд», пожалуйста, читайте ниже.

«Андеграунд» (от англ. *Underground* – подполье, подпольный; *under* – под, ниже, *ground* – земля, площадка, пол) – совокупность творческих направлений в современном искусстве (музыке, литературе, кино, изобразительном искусстве и др.), противопоставляющихся массовой культуре, мейнстриму и официальному искусству. Андеграунд включает в себя неформальные, независимые или запрещённые цензурой виды и произведения искусства.

Граница между андеграундом и мейнстримом всегда размыта, так как многие виды и произведения искусства, начинавшиеся как андеграунд, со временем стали популярными и массовыми, – говорится в Википедии. И далее там же: Для андеграунда характерны разрыв с господствующей идеологией, игнорирование стилистических и языковых ограничений, отказ от общепринятых ценностей, норм, от социальных и художественных традиций, нередко эпатаж публики, бунтарство. Андеграунд отвергает и часто нарушает принятые в обществе политические, моральные и этические ориентации и стереотипы поведения, внедряя в повседневность новые схемы поведения. Типичная тематика американского и европейского андеграунда – «сексуальная революция», наркотики, антирелигиозность, проблемы маргинальных групп».

История. *«Термин возник и начал употребляться во второй половине XX века. К андеграунду относили некоторые виды рок-музыки, такие, как экстремальный, авангардный металл и гранж. К понятию «андеграунд» со стороны хип-хопа можно отнести Джи-фанк и Гангста-рэп. Часто латино- и афроамериканцы бедных районов собирались в небольшие группы под мостами, в парках и старых клубах для «чеканки» и рэп-батлов. Впоследствии из таких «тусовок» и произошли андеграундные стили, позже ставшие весьма популярными.*

В СССР андеграунд приобрёл иные формы. Из-за официальной цензуры почти всякое неофициальное, то есть не признанное властями, искусство, включая музыку и литературу, окazyвалось андеграундом и, пытаясь существовать, иногда было вынуждено создавать свою субкультуру. Так появлялись независимые книжные публикации – самиздат, андеграундное распространение музыки – магнитиздат, неофициальные концерты – квартирники. Кроме того, значительная часть советского андеграунда была политизирована, так как любая оппозиционность в массовом искусстве была исключена из-за той же цензуры». (Там же).

Мы продолжаем. Как видно на фото, в работе клуба продолжают участвовать представители разных поколений – от школьников до ветеранов труда. Также по традиции участниками очередной встречи стали педагоги, учёные, пишущие люди, любители искусства. «Словодром» продолжает исследовать иностранные слова, которые, в свою очередь, продолжают медленно, но верно оккуп... осваивать наше информационное

пространство. Вот так, собравшись вокруг большого стола, в единственной библиотеке республики, расположенной в стенах королевского замка, мы с этими словечками и осваиваем друг друга. Смотрите, как много у слов схожего с нами, их пользователей! За каждым кроется не только набор значений. Каждое слово проходит свой путь, имеет свои историю и географию, свой вектор, свою судьбу. Как и человек – имеет свою подоплёку. Среди функций, в числе характеристик слова (энергетических, идеологических, ментальных) при самом ближайшем рассмотрении, разумеется, найдутся не только полезные, конструктивные, созидательные. Доморощенные апологеты полемического мышления недаром убеждены в наличии у каждого поня-

тия и явления как светлых, так и тёмных сторон, достоинств и недостатков. И значит, всему и вся в нашем насквозь демократическом мире культа полемики, торжества плюрализма уготованы не только лавры и аплодисменты, но и, извиняюсь, ушаты помоев. Выражаясь современно – дизлайки. Модель поведения современного полемиста (знаю из собственного опыта) на клевету и оскорбления в ваш адрес ответной реакции не предполагает и категорически не приемлет. А, не дай Бог, таковая случись – на вас тут же вешается ярлык с цифрой «1937». Дескать, тоталитарист, авторитарист, узурпатор, «совок» и так далее. Отличительная особенность полемики от прочих вариантов общения – в том, что возможность и право на манёвр имеет только ваш оппонент. Вам, несогласному, уготована другая, малоприятная роль – коммуникативного шлака. Демократия, как видите, заканчивается, толком так и не начавшись.

Никуда не денешься: так устроен этот мир, распираемый от философских учений (одно другого хлеще) и раздираемый противоречиями. Чем больше несогласных, чем больше разных мнений, полярных позиций, тем лучше, полагают полемисты. Впрочем, понятно, что за ними стоят весьма чистоплотные и влиятельные кукловоды. Лозунги их пестрят очень важными словами. Прогресс. Демократия. Свобода. На деле же хаос, раздраз, вольница. Что и говорить, наш дискуссионный клуб также в некотором смысле питается этой энергией противоречий. Питается по-своему, очень осторожно, дозированно. И всё же, как вы наверняка успели заметить, сегодня, когда в мире снова запахло жареным, в полушаге от новой глобальной войны этот культ полемики, цветущий пышным цветом ещё несколько лет назад, мировое сообщество, а именно его адекватная, заинтересованная часть стремится отодвинуть в сторону, упрятать в тень, на периферию общественного сознания.

Ведь именно идейная основа полемики, релятивизм, с его отсутствием этических резонансов, кроме разве что всеобщего освобождения от диктата традиций, довёл человечество до ручки. Традиция нормальных человеческих взаимоотношений постепенно уходит в историю. Видно, у нас уже спохватились. Идут разговоры о борьбе за этику в СМИ, о том, что в полемике недопустимо опускаться до экстремизма; принимаются законы об ответственности за каждое публично сказанное слово. Однако, выпущенного из бутылки джинна загнать обратно уже нелегко. Думаю, и в этом случае поезд уже ушёл. Единственное, что нам осталось – это, избрав другие средства передвижения [общения], постараться догнать его на одной из следующих станций...

Ещё можно попробовать привести в повышенную боевую готовность наши благие намерения – гуманизм общества и антропоцентризм искусства. Ещё можно, распахнув пошире объятия, с новым рвением, с новым риторическим либо религиозным экстазом попытаться возлюбить ближнего... Вот он, этот вождельный объект нашей безграничной симпатии, наш ближний. Лихорадочно стряпает очередную порцию помоев, желчи, оскорблений в наш адрес. Эй ты там, на том идейном берегу? Ау! Мы, твои соотечественники, братья и сестры пришли тебя полюбить! Как самих себя. Но может статься, наш ближний, «зёма» наш, как и подобает убеждённому демократу, ещё живёт по законам полемики. По волчьим законам. Того и гляди не оценит. Плоть от плоти наш собрат, земляк, согражданин. Дитя полемической общественной доктрины. Продукт конвейера демократии. По любым позициям не согласен с нами; узами этой братской любви себя связывать не намерен. Идейно нам чужд. Хотя живёт в соседнем подъезде... Под знамёнами ходит другими. В союзниках у него другие. Ни хлеб с ним преломить, а случись что – ни в раз-

ведку пойти. Общество одно, а идейные векторы разнонаправленные. Декларируемый на словах гражданский мир на деле проходит испытание полемикой, по сути, внутренней враждой. Да уж, крепить социальное единство и национальное согласие с помощью высокотоксичного яда – полемики – мы уже пробовали. Не пора ли сделать это с помощью противоядия?

Итак, слово повторяет сущность самого человека. Языковая система создана по образу и подобию Вселенной. И потому процесс общения тождественен самой жизни. Человек и слово: какие же современные, самые свежие опции этого сакрального тандема? Чем обусловлена их взаимосвязь – в этом пробует разобраться наш общественный дискуссионный клуб. Сложившийся за эти годы принцип нашего общения – рассмотрение темы (или в нескольких последних случаях – какого-то слова) сквозь призму идейного обмена. В общих чертах он таков: кто-то выдвигает свою версию истории появления того или иного слова в нашей жизни, а заодно и свою трактовку его значения. А кто-то предлагает версию свою. И каждый проецирует, примеряет предложенную трактовку к своей. Доля совпадения – это материал, скрепляющий структуру общества. Разница – почва для полемики. Разница между проекциями устоявшихся представлений, убеждений каждого и навязанными извне – и есть скрытая сущность слова, его, скажем так, побочный, теневой эффект. Хотя он же с высокой вероятностью может быть и в числе основных эффектов, функций слова. И когда разница превосходит совпадение, это может означать только то, что исследуемое слово прижилось в нашем с вами обиходе не совсем прочно. Не всем оно адресовано. А может – только некоему меньшинству, а потому актуальность данного слова не соответствует действительности, не имеет под собой объективных оснований. Такое слово в нашей жизни не имеет корней. Исторических, этнических, ментальных, каких угодно. Вернее, корни слово пускает, но почва не та. Чужая. Оно чуждо нашему обществу, несмотря на то, что десятилетиями пытается закрепиться в наших биоритмах. Выясняется, что это процесс искусственный. Скажите, чем обусловлено стремление придать некоторым иностранным словам статус синонимов наших слов, исконных, аутентичных, родных? Пример из наших дискуссий – слова «имидж» и «образ». Примеров такой натянутой, высосанной из пальца синонимии множество. Засорение нашего мира иностранными словами, в которых у нас нет нужды, приобрело характер масштабный, если не прибегать к более эмоциональной формулировке. И об этом все желающие также могут прочесть в итогах одного из наших минувших заседаний. Обилие только фотоиллюстраций из мира гродненского городского текста – красноречивое подтверждение всей остроты проблемы (<http://pisateli.by/slovodrom/slovodrom13.pdf>). На фоне этого некоторые шаги, как например, Международный день родного языка, Свята беларускага пісьменства выглядят в известной степени попыткой противодействия этому хаотическому глобализму, этому новому Вавилонскому столпотворению, захлестнувшему мир наших слов.

Зачем я всё это говорю? Чтобы подчеркнуть, насколько важно и полезно общение человека и слова в коллективном, социальном формате. Такая вот рубрика «В мире слов». В основе нашей работы – не собирательный процесс, а обратный, процесс образного, семантического разбора. И цель его – установить, насколько исследуемое нами слово полезно для нашей возможности оставаться единым целым и после углубления в этот сравнительный анализ. Прямо скажем, некоторые результаты глубинного постижения наших слов и, следовательно, самих себя оказались весьма неожиданными. Так произошло, например, со словом «идеал», когда дискуссия, что вокруг него развернулась, походила на ожесточённое классовое сражение. С поправкой лишь на то, что оружием было опять-таки слово, слово и всё, что с ним связано – значимость, содержательность, энергетика, эмоции, ассоциации... Критическая масса. Целый набор сопутствующего материала, который можно использовать для исследования актуального состояния нашего об-

щества, а именно, его внутреннего духовно-нравственного, идеологического климата. Целый набор поводов для того, чтобы сказать «стоп». В моей памяти надолго запечатлелось, как не-легко погасить запал дискуссии, которая выйдя из-под контроля, обрела хаотичный, неуправляемый характер полемики. Хорошо, что в этот раз до баррикад дело не дошло. Но знамёна полемики уже развеваются повсеместно. В этом шумном, бурлящем вареве из идей и человеческой энергии здравый смысл утрачивает ценность. Потому что у каждого он свой.

Слово «андеграунд» оказалось известно не всем из приглашённых на 23-ю встречу и принявших участие в ней. Возможно, кое-кто пришёл с этим словом познакомиться. Каким получилось это дебютное рандеву, у товарищей по клубу при желании можно справиться. Скажу только, что у нас в Гродно даже существует одно питейное заведение под названием «Андеграунд» на улице Титова (на фото). Людмила Антоновна Кебич говорила о законах шоу-бизнеса (закономерно предвосхищая нашу следующую встречу).

Председатель нашей писательской организации рассуждала об истории рок- и поп-музыки на постсоветском пространстве: «Ствараліся нейкія групы. Ім усім вельмі цяжка было прабівацца – тым, якія сталі вядомымі. Афіцыйна ім дазволена было выступаць на розных сцэнах. Хоць яны не мелі права выязджаць за мяжу. Але іх імёны і назвы гэтых груп былі знаёмыя. А як перайманне іншыя музыканты сталі ствараць свае калектывы. Таму што таленавітым людзям таксама хочацца аб'яднацца і таксама хочацца граць. Яны сталі ствараць сваю музыку. Але дзе ж яны праб'юцца! Не ўсім жа быць вядомымі, не ўсе афіцыйна будуць дазволеныя. Куды іх падзець?!» Затем Людмила Антоновна перешла к самиздату: «Калі я прыехала ў Гродна, мне трапляліся кніжкі, якія перадаваліся з рук у рукі, надрукаваныя на машынцы або перапісаныя, кніжкі паэтаў, якіх я і забылася...» Далее следовал рассказ об изданной кустарно книге, которая не понравилась выступающей из-за своего политического содержания. Изложенная автором позиция вызвала негодование читательницы: «Усё наша, беларускае, дзяржаўнае ў ёй ганьбілася, прыніжалася. І, разумеецца, я закінула тую кніжку. І падумала: а што ты, чалавек, зрабіў для Беларусі? Усё хочам, каб зрабілі нам нешта. А што мы самі зрабілі? Хоць адзін верш, хоць адну песню напісалі, каб гэтая песня выйшла з гэтага падзямелля, з гэтага андэграўнду?» «Яшчэ сама сістэма стварае андэграўнд, – продолжала Людмила Антоновна – Людзьмі дзе-то на вярхах зацвярджаюцца законы. Ці яны добрыя, ці яны дрэнныя, але з часам гэтыя законы трэба неяк перайначваць, трэба пераглядаць. Таму людзі, асабліва творчыя шукаюць абыходу гэтага. Яны не хочуць зважаць на тое, што прызнана афіцыйна. Ім добра разам. У іх свая аўдыторыя, слухачы і чытачы. І яны ў сваім крузе, у сваім коле прызнаныя». По мнению Людмилы Антоновны, дело даже не в идеологии. Просто существуют какие-то вершины, до которых далеко не все движимые амбициями творческие люди «даскачуць».

Поэт Александр Рабыкин вспомнил недавнюю встречу с гостем из Минска, прозаиком Виктором Правдиным и одного из его персонажей – учёного-физика, который стал бомжом. «Талантливый, образованный и по природе порядочный человек, когда столкнулся с бесчеловечным, хамски-абсурдным отношением бюрократической машины, опустил руки, бороться не захотел. Вот эта позиция – вместо того, чтобы отвоёвывать своё место под солнцем, лучше собирать бутылки – это похоже на андеграунд», – считает Александр Захарович. Хотя для характеристики такой жизненной позиции подходит ещё более модное иностранное слово – дауншифтинг. (<http://fb.ru/article/147548/daunshifter---eto-daunshifting---chto-eto-daunshifting-v-rossii>)

Ветеран труда, поэт и прозаик Юрий Павлович Тюрин смекнул, о чём пойдёт речь, и решил поделиться воспоминаниями о возникшем в годы Хрущёвской оттепели неформальном течении в молодёжной среде, получившем название «стиляги». Кстати пришлось и то обстоятельство, что оттепель совпала с годами юности мужчины. «Сама система государственных советских органов предполагала противостояние подполью (цеховики, другое искусство и так далее. И подражание Западу)», – сделал заключение Юрий Павлович.

Неожиданно вырисовались образные параллели с нашим миром литературы. Дело в том, что существует мир глянца, мир публичный, гламурный, что называется, раскрученный. Литература в большей степени к нему не относится. Труд литератора по большому счёту остаётся ремеслом одиночек, предпочитающих медийности уединённость и даже отрешённость. В этом смысле мы имеем дело со своего рода

неоандеграундом. Не все, но некоторые из нас придерживаются такой линии поведения. Этих наших коллег нигде невидно и неслышно. Мы только иногда вспоминаем их имена, видим на фото их лица. Надеюсь, люди в библиотеках спрашивают их творения. Интернет... А что Интернет? С этим космосом и хаосом в одном флаконе всё ещё более запутанно. Отложим данный тематический аспект для других дискуссий. С другой стороны, и это прозвучало в высказываниях Людмилы Антоновны Кебич, наш творческий союз способствует выходу из тени на свет многих неизвестных авторов. Я же всё думал: так что же это за явление такое – в переводе с английского означающее дословно подземелье? Каков же его социальный эффект? Ведь отказавшись от образа, принадлежащего перу Владимира Короленко (1853-1921) – «дети подземелья», я умышленно снабдил тему нашей встречи оппозициями: «тьма» и «свет». Возможен ли без андеграунда так называемый мейнстрим (всё массово признанное, официальное)? Это лишь в том случае, если андеграунд считать тенью. А если наоборот? Уверен, общественное мнение устроено так, что к тёмным силам многие склонны относить официальные устои нашей жизни, склонны активно и изощённо поносить на чём свет стоит привычные, традиционные элементы существующего миропорядка. Это в условиях военного времени подполье – понятие, обладающее позитивным значением. А в мирное время? Какое может быть подполье в мирное время? От кого укрывается, против кого выстраивает свою деятельность этот альтернативный общественный кластер? Если скрестить в нечто среднее «прятки» и «кошки-мышки», каковы цели этой игры? А возможно, для усиления метафоры стоит добавить в эту карту игр другую, с детства известную игру – «казаки-разбойники»?.. Размышления в подобном ключе, натолкнули меня на ещё один неожиданный вывод: наша историческая эпоха характеризуется отсутствием чётких границ между понятиями «военное время» и «мирное время». Со всеми вытекающими.

Поэтесса Наталия Маина-Миневич поведала о созданном её поэтическим мироощущением образе собственного внутреннего андеграунда, явлении в большей степени психологическом, нежели социальном. На этой почве возник содержательный спор. Выступление Наталии Дмитриевны было подкреплено стихотворением на данную тему. (В нашем клубе поэзия зачастую играет роль решающего аргумента. И наверно, это прекрасно). Также прозвучали авторские произведения Александра Рабыкина и белорусского поэта Мечислава Куриловича. Постоянный член клуба, историк, педагог, культуролог Карина Петровна Батракова интересно рассуждала на

темы обнаружения и обнаружения ценных артефактов, предметов старины. Именно Карина Петровна (на фото) вполне оправданно предложила клубу расширить временные рамки для исследования: «В настоящее время, после «перестройки» андеграунд имеет несколько другой характер. Самиздата сейчас практически нет. Почему? Потому что всё решают деньги. Если деньги есть, пишешь какую-то чушь – тебе доступны услуги издательства, открыты полки книжных магазинов. Я тоже знаю талантливых людей, которые не могут пробиться...

Если вложить деньги в раскрутку, то самую большую бездарь сегодня можно сделать звездой». Заговорили о том, что государство не справляется с формированием вкусов в искусстве и даже не всегда придерживается таких целей. Заговорили о цензуре. К серьезному и весьма злободневному разговору о проблемах книгоиздания подключилась детская писательница Анна Скаржинская-Савицкая. О том, как пробиться автору в торговую сеть, поинтересовался представитель гродненского поэтического андеграунда, автор нескольких книг Мечислав Петрович Курилович. Люди были рады возможности высказаться и послушать других. Беседа состояла из обмена мнениями. В ней прозвучало столько ценной и полезной информации, что это могло бы составить конкуренцию любому престижному таблоиду, любому социологическому исследованию.

Учёный-книговед и литературовед Михаил Богданович Пожарицкий (на фото) обратил внимание клуба на формулировку темы нашего заседания: «Андеграунд: без тени света нет». «Інакш кажучы, без андэграўнда не можа быць сапраўднага мастацтва, прызнанага і народамі, і афіцыйна. Калі глядзець на праблему філасофскі, без зла не можа быць добра. Без пакутаў мы не можам разумець, што такое радасць. Без мінуса мы не зразумеем, што такое плюс. І гэтак далей». Анна Скаржинская-Савицкая напамнила прыказку «Не было бы счастья, да несчастье помогло». [Несчастье помогло!] «І ў гэтым – свая вялікая мудрасць, – продолжал Михаил Богданович – Дык вось андэграўнд. Неафіцыйная, непрызнаная літаратура. Можам казаць: недастаткова развітая. Хаця не заўсёды гэта так. Салжаніцын, Высоцкі, Бродскі, напэўна, вымушана прайшлі праз гэта. У першую чаргу па ідэалагічных прычынах.

...Падзямельнае – гэта нешта не ўзнёслае. Васіль Быкаў у сваёй кнізе "Доўгая дарога дадому" (http://knihi.com/Vasil_Bykau/Douhaja_daroha_dadomu.html) распавядае забаўны эпізод з адным аўтарам, твор якога ім было рэкамендавана як след адрэдагаваць, удасканаліць. Пасля гэтага ўдасканалення тэкст стаў яшчэ горшым. Тады Быкаў жартам параіў гэты матэрыял адправіць у «Праўду». А там узялі ды і надрукавалі. Было гэта адзін толькі раз у гэтага аўтара. ...На старонках газеты «Наша Ніва» па падліках Яўгена Хлябцэвіча друкаваўся 61 чалавек. У тыя часы (1906-1915 гг.) амаль усё, што дасылалі аўтары, друкавалася. Вельмі шмат друкаваліся звычайныя сяляне... І калі б не было самых слабых, то мы не мелі б Янку Купалу, не адчувалі б да канца. Горш, калі зло выдаецца за добра. Як у жыцці, так і ў мастацтве. Мне вельмі не хацелася б, каб антыпатрыятычнае выдавалася за патрыятычнае. Бо вельмі часта бачыш, як бяруць

псеўданім «Шчыры беларус». А што на самой справе? Антыбеларускае выдаецца за беларускае». Налёт романтизма у сваяго видения андеграунда как явления открыл мой друг Лёша Юношев. Отложив в сторону фотокамеру, Алексей решился высказать то, что занимало его мысли всё это время. «Андеграунд – прежде всего направление в искусстве. Мне кажется, есть люди, которые вынуждены находиться в андеграунде. Те же Высоцкий с Бродским не совсем хотели в нём находиться. А есть люди, которые делают это сознательно. Взять хотя бы недавний отказ Боба Дилана от Нобелевской премии. Есть такой brutalный рокер Егор Летов. Он противопоставил андеграунду христову благодать, то есть то, к чему все стремятся; попасть туда, находиться в христовой благодати. Ведь согласно переводу – подполье – это ближе к аду. Я считаю, что в этом – подвиг творческих людей, когда они сознательно не идут к благодати, хотя предпосылки для этого имеются. Взять того же Курта Кобейна. Вначале его творчество рассматривалось как андеграунд, а потом оно стало разновидностью популярной музыки. И одна из причин его суицида кроется именно в том, что ты сначала протестуешь, а потом становишься частью предмета протеста. Этот диссонанс разрушает творческую личность». Меня также интересовала протестная сторона андеграунда. Почему вызывает протест то, что с точки зрения здравого смысла протест вызывать не должно? Сиди себе под полом да помалкивай... Отчего весь этот протестный заряд против устоявшихся традиций? И на эти вопросы ответы были получены. Стремительную трансформацию окружающего мира наш дискуссионный клуб встречает во всеоружии. «Время диктует своё», – прозвучало бескомпромиссной констатацией из уст Людмилы Антоновны. «Філасофія, як свет старая, – подметил Мечислав Петрович – нічога новага мы не вынайшлі...» А я подумал: ну и ладушки. Пускай хоть наш клуб не стремится участвовать в процессах этой тотальной трансформации. Согласитесь, должен же хоть кто-то отслеживать и анализировать их, взирая со стороны. С разных сторон. Мир как слово. Надо уметь его слышать. Для меня, человека, который в юности носил длинные волосы и пел в рок-группе, причём записи её носили характер чистого самиздата, сегодня наиболее подходящей интерпретацией термина «андеграунд» является образ погреба с припасами. Подземная кладовая с ценными заготовками на будущее; сбережения, которые ждут своего часа. В широком смысле. Этот стратегический ресурс в перспективе выразится в признании нами самих себя. Признание в своём кругу. Вроде бы, не так и мало. И всё же вместо того, чтобы стоять в стороне, будем расширять этот круг. Будем осознанно приближать перспективу.

Ещё и ещё раз моё самое искреннее, сердечное гран мерси – всем, кто присоединился к работе проекта в двадцать третий раз. Спасибо всем, кто осилил нашу попытку № 23 в виде моего текста. Остаётся только пригласить всех на очередное, двадцать четвёртое заседание в наш

**общественный
дискуссионный клуб**

«СЛОВОДРОМ»

**ТЕМА ДИСКУССИИ:
СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ МАССКУЛЬТА**

Встречаемся **25 апреля 2018 года, в 17.00**

в зале заседаний

Гродненской областной научной библиотеки им. Е.Ф.Карского,
по адресу: **г. Гродно, ул. Замковая, 20 (Новый замок).**

ВНИМАНИЕ! С начала 2018 года посетители всех мероприятий в ГУК «Гродненская областная научная библиотека им. Е.Ф. Карского» должны быть записаны в библиотеку. Стоимость абонемента на год – 3 рубля; перерегистрация годового абонемента – 2 рубля 50 копеек. Билет на разовое посещение стоит 1 рубль.

С уважением, всегда ваш

Дмитрий Радонович

На фото: застывшие мгновения двадцать третьей встречи в созданном Гродненским областным отделением СПБ общественном дискуссионном клубе «Словодром». Гродно, Новый замок. 28 марта 2018 года.

Выступае Александр Захарович Рабыкин

Наталія Дмитриевна Майна-Міневіч і Юры Павловіч Тюрін

Мечислав Петрович Курилович

Н.Д.Маина-Миневич

В свете вечных истин...

Выступает детская писательница Анна Скаржинская-Савицкая

Выступает Михаил Богданович Пожарицкий

А.З.Рабыкин прочёл своё стихотворение

«Словодром # 23». 28 марта 2018 года.

Фото: Алексей Юношев